

Краткий анализ российских земельных реформ

Критерий	Реформа 1861 г.	Столыпинская реформа	Современная реформа
Инициатор	Александр II	Столыпин П.А.	Ельцин Б.Н.
Суть реформы	Отменено крепостное право. Форма хозяйствования – сельская община	Крестьяне освобождены от выкупных платежей, наделены правом выхода из общины на хутора и отруба. Вышедшим оказывается финансовая помощь. Земельным банком для приобретения земли в собственность. Проводится политика переселения в Сибирь	Ликвидация монополии государственной собственности на землю. Земля и имущество с.-х. предприятий переданы в собственность. Хозяйствующие субъекты получили полную самостоятельность
Итоги	Активно начала развиваться сельская экономика. Рост инвестиций в сельское хозяйство и социальную сферу	Больше крестьян начало хозяйствовать самостоятельно, но почти 65 % крестьян продали свои земли. Переселенческая политика в существенной мере решила проблему малоземелья, а организация Земельного банка – проблему финансирования. Экономика начала развиваться высокими темпами	Состояние сельской экономики ухудшается. Сокращаются объемы производства по основным видам продукции в натуральном исчислении от 30 до 70%. Крестьянские и коллективные хозяйства разоряются, т.к. нет условий для эффективного хозяйствования

Кратко результаты российских земельных реформ можно представить в виде таблицы.

Хочется выразить надежду на более успешное завершение земельной реформы по сравнению с ее началом. Россия располагает огромными земельными ресурсами, но это национальное богатство

во страны используется крайне не эффективно. Повышение эффективности использования земли, создание условий для увеличения социального, инвестиционного и производительного потенциала земли позволит превратить ее в мощный самостоятельный фактор экономического роста.

УДК 913.1

"БРЕМЯ ВЛАСТИ" В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В АНТИЧНЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПОЛИСАХ

А.В. Зберовский

Власть суть квинтэссенция, "превращенная форма" социальности. Исконно существуя в человеческом обществе в виде власти социальной, она конституируется как власть политическая уже на заре цивилизации. Само понятие власти как потенции некоего действия, которое разделяет целостный коллектив на управляющих и управляемых, нарушая таким образом некогда исконное родовое единство, появляется уже в общественном сознании древневосточных обществ. Но в развитой форме осмысление феномена власти произошло только в период расцвета античного полисного строя. И в работах античных историков и философов возникает понимание двойкой природы власти, которая, являясь благом для коллективов, будучи инструментом, средством для решения неких общепольных задач, одновременно может нести в себе опасность, если достанется крайнему эгоисту. И именно тогда возникает понятие, ставшее классическим для европейской цивилизации – понятие "бремени власти", то есть тяжести власти для человека, ею обладающего.

Факт многочисленных упоминаний об опасной природе власти в античных художественных, исторических, публицистических и философских произведениях говорит нам о том, что феномен, условно называемый нами в данной статье "бремя власти", активно осмысливался в общественном сознании граждан полисов. Причем как на уровне общегражданского, массового сознания, так и на уровне самих обладателей власти - полисных должностных лиц, политической элиты. И именно попытка реставрации, реконструкции этих представлений на двух уровнях является целью данной статьи.

Знакомство юного эллина или римлянина с проблематикой власти начиналось с мифов, в которых сам Зевс когда-то составил заговор против отца всех богов Кроноса и, изгнав его с неба, установил свою власть, со-вещаясь при этом в случае нужды с братьями и сестрами [1]. Мы видим не что иное, как свержение тирана и ус-тановление либо ограниченной монархии, либо аристократической системы. Так, с детства в гражданах заклады-валось понимание того, что политическое творчество не только возможно, но в ряде случаев и **необходимо**. *Власть получала возможность саморазвития, переставала быть единоличной.*

С проблемой взаимоотношения лидеров и народа юный гражданин полиса знакомился, читая поэмы Гомера. В "Илиаде" описывается, что Агамемнон, утихомиривая взбунтовавшихся воинов-ахейцев, не добившись успе-ха, передает свой скипетр Одиссею для того, чтобы тот избил лидера бунтовщиков Терсита. Дубиной Одиссей подавляет стихийные выступления воинов против всевластия вождей. В этом эпизоде скипетр имеет символиче-ское значение, так как, по сообщению самого Гомера, до Агамемнона скипетром владели укротитель коней Пе-лопс и богатый стадами Фиест. На этом фоне в "Илиаде" вполне естественно появляется такое прозвище Ага-мемнона, как "пастырь народов", - термин, прижившийся в европейской культуре [2]. То есть прямо подчеркивает-ся, что военный и политический лидер в обществе является аналогом вожака стада у животных.

Сравнение человеческого общества со стадом овец и обоснование необходимости для тех и других пасту-ха, пастыря, "отца народов", который повел бы всех по правильному пути, использовалось большинством антич-ных авторов. Так, Артемидор говорит следующее: "Люди уподобляются овцам, так как и у людей, как и у овец, есть лидеры, которые сбивают всех в стадо и устремляются к лучшей жизни" [3].

Лидерство признается значительной, естественной, наличествующей стороной жизни общества. По Ари-стотелю, "во всем, что составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединен-ных, но составляющих одно целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное. Это общий закон природы, и ему подчиняются одушевленные существа" [4].

С ним был согласен Полибий, утверждавший: "Если бы люди выжили после потопа, и из уцелевших остат-ков, как из семян, снова выросло бы известное число людей, то непременно они, ... подобно прочим живым суще-ствам, стали бы собираться вместе. И один из людей превосходил бы прочих телесною силой и душевною отва-гой. Он то и был бы вождем и владыкою. То же самое наблюдается у всех неразумных животных – быков, каба-нов, петухов. Порядок этот следует признавать непререкаемым делом самой природы" [5].

Итак, тенденция к лидерству от природы – "непререкаемое дело". То есть лидерская власть детерминиро-вана вписанностью человека в природный мир. Однако тут же говорится, что лидерство как природное явление имеет место у "неразумных животных". А человек, как известно, разумен. Так как же ему быть? Следовать нера-зумной природе или выбирать свой путь, двигаясь ей вопреки?

Ученик Сократа Ксенофонт склонялся ко второму варианту. "Стада охотнее повинуются своим пастухам, нежели люди своим повелителям, ибо стада отправляются туда, куда их ведут, пасутся там и не идут туда, куда их не пускают. Стада позволяют своим пастырям распоряжаться получаемым с них доходом как им заблагорассу-дится. Стадо никогда не восстанет против своего пастуха, хотя последний и получает от него выгоду. Люди же с величайшей охотой восстают против тех, кого они заподозрят в желании установить над ними власть" [6].

Сенека видел главнейшую задачу человека в том, "чтобы тот не следовал, подобно скоту, за вожаками стада, а направлялся единственно туда, куда его зовет долг" [7].

Очевидно, что у обоих авторов содержится одно и то же утверждение. *Человеческому обществу, как и любому природному объединению, присуще выделение лидеров- управленцев. Но отличительной чертой со-циальной жизни является возможность отказа человека от следования этой естественной норме.*

Действительно, вся античная история, начиная с самого начала процесса полисогенеза и политогенеза, представляет из себя историю борьбы античных коллективов с поползновениями к тирании, которую профессор Э.Д. Фролов определял так: "Тирания – авторитарный режим ярко выраженного насильственного типа, политиче-ское воплощение крайнего индивидуализма, кульминация эгоистического общественного начала" [8].

И тема борьбы лидеров, стремившихся к тирании, и народа становится ведущей в период после Гомера и Гесиода. Эллинский поэт Феогнид предупреждал:

"Город беременен наш, но боюсь я,
чтоб им порожденный муж дерзновенный,
не стал грозных восстаний вождем.
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
близки к тому их вожди, чтоб в разнузданность власть..." [9].

Граждане уже понимали объективность появления тиранов, которые рождаются тогда, когда для их стре-мительного роста созревают социальные предпосылки. А раз появление опасных тенденций объективно – значит, с ними вполне можно бороться. Именно так оценивает ситуацию и Алкей, предупреждавший жителей города Ми-тилены об опасности надвигающейся тирании:

"Он знай себе идет по головам, а вы безмолвны, как в оцепенении жрецы перед заgrabной тенью, из мира мертвых вышедшей в ваш свет. Пока не поздно, одумайтесь, граждане, пока поленья лишь чадят, дымя. Не мешкая, гасите пламя..." [10].

Пламя надвигающейся угрозы единоличной власти нужно гасить в зародыше. Причем как военными методами, как советовал живший в то время Гераклит Эфесский, считавший, что "должно народу биться в пользу закона, словно за стены..." [11], так и законодательными, на чем настаивал Солон, подчеркивая:

"Законность во всем и порядок, и лад водворяет.
Преступникам она на ноги пути кладет.
Гладит неровности, спесь прекращает, смиряет надменность:
Бедствий цветок роковой сушит, не давши расцвести,
Дела укрощает высокомерных людей, тушит великий раздор" [12].

Итак, античные авторы эпохи формирования полисов как сугубо человеческую особенность отмечают стремление граждан восставать (в том числе и с оружием) не только против плохих лидеров, но и против лидеров вообще. Демос в случае возникновения опасности отчуждения от власти имеет право не только бескровно нейтрализовать ситуацию, когда "город чреват тиранией", но и решиться на радикальные превентивные меры.

Отмечая эту тенденцию, наличествующую в общественном сознании в тот период времен, когда не возникло даже самого термина «демократия» (VIII-VI вв. до н.э.), можно предполагать, что античная полисная демократия не являлась теоретически смоделированной и четко реализуемой целью. Полисные коллективы скорее двигались к ней стихийно, "от противного", выстраивая такие линии поведения социума, которые позволяли покончить с тиранией, пока "бедствий цветок роковой еще не расцвел". И которые уже в развитой, наличествующей и устойчиво воспроизводящейся форме античными аналитиками выделены в особую противопоставленную тирании форму власти - демократию.

Отмечая в полисном общественном сознании боязнь лидерской власти, мы отдаем себе отчет в том, что нет представлений "о власти вообще". Представления о власти неизбежно должны были отличаться у двух участников единого процесса ее осуществления, реализации: демоса и лидеров. И выше мы, по сути, начали исследование первого уровня античного полисного сознания – "психологически-эмоционального", обыденного, стихийного. Его субъектом и носителем одновременно выступал античный демос - гражданский коллектив полиса. И, если попытаться выразить отношение демоса к власти в самом общем виде, исходя из тех данных, что мы рассматривали выше, лучше всего для этого подходит слово НЕДОВЕРИЕ. Причем не недоверие к какому-либо конкретному управленцу или лидеру, а к системе лидерской власти вообще.

Политик и философ VII в. до н.э. Питтак из Митилены уже тогда сформулировал вечную сентенцию: "Человека проявляет власть" [13]. И, по мнению "отца истории" Геродота, "даже самый благородный человек, будучи облечен высокой властью, не останется верным своим убеждениям, так как от богатств и роскоши в нем зародится высокомерие и разовьется зависть, и так присущая человеческой природе" [14].

Фукидид, живший чуть позже Геродота, считал, что "источником всех гражданских бед является жажда власти, свойственная человеку" [15]. Эту черту высшим пороком в человеческом обществе называл римский историк Флор, отмечая, что "стремление к занятию должностей вызывается прежде всего жаждой богатства" [16]. Платон отмечал, что "большинство людей не отказалось бы от тиранической власти" [17]. С ним соглашался и Исократ, признавая, что "стать тираном – это желание, которое имеется у всех, просто не все в состоянии предпринять к этому практические шаги" [18]. А любимый демосом комедиограф Аристофан писал:

"Посмотрите теперь на ораторов вы в государстве:
Пока они бедны, то с народом своим и государством, они
Поступают всегда справедливо.
Но лишь станут богаты, казну обокрав, справедливость их тотчас исчезнет.
Строят козни они против граждан своих, поступают враждебно с народом" [19].

Особой чертой общественного сознания демоса в полисах, таким образом, можно считать то, что запаса доверия к должностным лицам не было в принципе. Это отчетливо видно из воспоминаний человека, который сам себя считал примером настоящего гражданина – римского историка Саллюстия Криспа. Вспоминая себя в молодости, он пишет: "Меня самого, подобно многим, еще юнцом охватило стремление к государственной деятельности. Я видел, что вместо совестливости, воздержанности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. И хотя я в душе презирал все это, не склонный к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием, не была им чужда. И меня, осуждавшего дурные нравы других, тем не менее, мучила такая же жажда почестей" [20].

Не веря даже самому образцовому с виду лидеру, *гражданский коллектив стремился нанести удар раньше, в тот момент, когда то или иное должностное лицо еще не приобрело такого могущества, при котором оно уже могло не считаться с коллективом.* Для этого нагнетался антитиранический психоз.

Как это выглядело на практике, нам наглядно показывает Аристофан. В одной из его комедий некий приезжий торговец, шокированный увиденными в Афинах общественными настроениями, так выговаривает афинянам:

"Вам мерещатся тираны, заговорщики во всем.
Обсуждаете ль вы дело или так себе пустяк.
Между тем о тирании вот полвека не слышать.
Ну а вы соленой рыбой больше заняты, чем ей,
На базарах даже стали о тиранах все кричать.
Ты себе торгуешь карпа, - не салаку, как тотчас
Продавец дешевой рыбы тут же рядом заворчит:
"Этот, кажется, припасы выбирает, как тиран..." [21].

Такая антитираническая, часто безосновательная и мелочная подозрительность была характерна для всех полисов. Основатель римской республики Валерий Публикола был обвинен в стремлении к тирании на том основании, что дом, который он построил, был выше других римских домов. Герой войны с галлами, спаситель Рима Марк Манлий был казнен за то, что помогал бедным – это было воспринято как способ создания группы сторонников для возможного переворота.

Подозрительность к тирании и убежденность, что любой, кто попытается стать тираном, – человек, не имеющий никаких шансов, воспитывались в гражданах уже с детства. Например, в Афинах перед своим совершеннолетием юноши давали клятву, где говорилось: "Я убью и словом, и делом, и подачей голоса, и собственной рукой, если будет возможно, всякого, кто ниспровергнет демократию в Афинах, а также если кто после ниспровержения демократии станет исполнять какую-либо должность, а также если кто восстанет с целью сделаться тираном или поможет утвердиться тирану" [22]. Такие клятвы существовали во многих других полисах.

Мы видим, что борьба с тиранией не обязательно выглядела как физическое устранение претендента на тиранию. Гораздо более эффективным был удар, нанесенный заранее, – подачей голоса в народном собрании или суде, то есть еще до того, как тиран станет тираном. В этом смысле "показательные", часто надуманные судебные процессы против тех, кто, делая много для родного полиса, казался слишком честолюбивым, стали своеобразной "визитной карточкой" античной демократии. Не рассматривая десятки и сотни примеров судебных преследований выдающихся эллинов и римлян, просто упомянем "дело Сократа", когда на суде Сократ прямо заявил в лицо собравшимся: "Я скажу вам правду: нет такого человека, который мог бы уцелеть, если бы он стал откровенно противиться вам или какому-нибудь большинству и хотел бы предотвратить то множество беззаконий, которые совершаются вами в государстве" [23].

Ведь гарантом самосохранения демократии стало то, что суд по политическим делам велся не на основании законов, как неких юридических норм, которые при определенном опыте вполне можно было бы обойти, а на основе гражданской совести, в качестве которой выступала демократическая целесообразность. По мнению А.Ф. Лосева, "когда античное общество приобрело вид полиса, одним из его конструктивных начал стала законность, в которой моральное и собственно юридическое начало не различались" [24]. А в политических процессах моральное начало оказывалось выше юридического, что особенно заметно по той же процедуре остракизма.

Феномен такого подхода к борьбе против тиранов вызывал стремление его каким-либо образом осмыслить, освоить общественным сознанием. Поэтому в Риме считалось: "Если законы нас связывают лишь в силу того, что они приняты по решению народа, то заслуженно и то, что народ одобрил, не записав, связывает всех. Ибо какое имеет дело, объявил ли народ свою волю путем голосования или путем действия" [25]. Когда некоторые афинские граждане выразили свое недоумение и неудовольствие частыми изменениями в законах, оратор Андрокл ответил им так: "Законы нуждаются в законе, который бы их исправил, так как рыбе нужна соль, а маслинам масло, хотя может казаться странным то, чтобы в масле нуждалось то, из чего оно происходит" [26].

Демос в своей политической жизни руководствовался принципом "Добро должно быть с кулаками", что интеллектуал Аристотель в "Политике" выразил так: "Главной целью государства является достижение добродетели, поэтому добродетель вполне может, раз ей даны определенные средства, прибегать до известной меры к насилию. То есть и насилию до определенной меры присущ элемент добродетели" [27].

Итак, рассмотрев восприятие власти в общественном сознании широких слоев демоса, можно прийти к выводу о том, что уже в середине I тыс. до н.э. демос ясно видел во власти скрытые опасные потенциалы, которые могли реализовываться в том случае, если коллектив своевременно не пресекал эгоизм и честолюбие своих лидеров - "пастырей", а сами эти неприятные качества в человеке были заложены изначально и исключений быть не могло. В этом смысле у нас имеются основания говорить о полисном строе не как о правовой демократии, аналогичной, скажем, современному, а, по сути, как о *диктатуре демоса*. То есть античная демократия не являлась

некой самодостаточной и самостоятельной формой власти, особой моделью внутриобщинного устройства. Она была лишь развитым продолжением обычной общинной социальной власти, суммой методов, направленных на недопущение взлома социального гражданского равенства вследствие создания тиранических режимов. Об этом прямо говорил Фукидид: "Под демократией у нас стали понимать все, что противодействует господству одного человека" [28].

Этот принципиальный элемент массового сознания демоса Аристотель обосновывает так: "Ни один руководитель хора (т.е. демос) не может позволить участвовать в хоре тому, кто поет громче и красивее всего хора" [29]. А на практике, еще задолго до Аристотеля, граждане города Эфеса изгнали некоего Гермодора, желавшего стать тираном, с формулировкой "между нами никому не быть лучшим, а если есть такой, быть ему на чужбине с чужими" [30]. В довершение можно сказать, что главными качествами демоса римлянин Корнелий Непот считал "суровость, подозрительность, непостоянство, завистливость и враждебный настрой к тому, кто имеет высокую власть" [31]. И, видимо, прав был Сократ, заметивший, что "полис считает себя вправе распоряжаться должностными лицами, как хозяин своими рабами" [32].

Создав систему неотвратимости наказания, демос в эпоху расцвета полисного строя, надо полагать, чувствовал себя достаточно уверенно. В комедии Аристофана "Всадники" некий гражданин, обращаясь к персонафицированному народу, горестно отмечает, что политики вертят народом, как хотят, а он этого не видит.

Однако народ отвечает так:

"Нет разума в вас самих, что я вам таким глупцом кажусь.
Ведь я таким простаком, ей-ей, притворяюсь!
Я так забавляться рад и вора-чиновника
На агоре растить – кормить,
Чтобы брюхо набив ему, приподнявшись, прихлопнуть..." [33].

Из этих строк прямо следует, что в период расцвета античной демократии демос мог не только четко представлять свою силу, но и совершенно недвусмысленно предупреждать о ней своих должностных лиц. *Уверенность народа в своей силе и коллективном превосходстве над лидерами - это еще один важный элемент общественного сознания, "народной" составляющей этого сознания.*

Отмечая опасливое и недоверчивое отношение демоса к полисным магистратам, можно предполагать, что устойчиво существующие в обыденном сознании установки рано или поздно могли превращаться в свою квинтэссенцию, концентрированный и обобщенный вид - идеологию. И именно в таком виде транслировались из века в век, то есть воспроизводились.

Но такая черта ментальности демоса и сами реалии полисной политической жизни не могли не отражаться на мышлении особого слоя людей, обладающих незаурядными умственными и волевыми качествами, способных определять направления и стратегию общественного развития, проявлять интуицию и брать ответственность на себя, которых принято называть политическими лидерами. И им обязательно должны быть свойственны определенные нюансы как в осмыслении феномена власти, так и саморефлексия относительно последствий обладания властью. Тем более, что само гражданство в целом своим противопоставлением "демос - магистраты" прямо этому способствовало. Попытаемся вычленивать, реконструировать эти особые черты понимания власти полисными политиками, которые априори должны быть зависимы от господствующих убеждений демоса.

Действительно, множество примеров, прекрасно отраженных в дошедших до нас произведениях античных авторов, показывают нам, что *политические лидеры полиса ни на минуту не забывали о шаткости и опасности своего положения, связанного с объективным своим противопоставлением остальному коллективу, что было обратной стороной уверенности в своих силах демоса.* Лукреций Кар писал, что хотя:

"Денег алчба и почестей жажда слепая
нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и слуг преступлений
Ночи и дни напролет, заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать...";

тем не менее, после появления общественных ограничений:

"Страх наказаний с тех пор омрачает все жизни соблазны" [34].

Политическая элита демократических полисов, носители публичной власти, часто могла испытывать перед демосом, субъектом власти, настоящий панический страх. Так, прославленный афинский стратег Пахет, которого совершенно нельзя заподозрить в трусости, сдав отчет и боясь выйти на обсуждение народа, заколол себя мечом [35]. Римский консул Метелл, заподозренный в злоупотреблении властью, публично заявил, что он невиновен, однако предпочел даже не пытаться предстать перед судом и удалился в добровольное изгнание [36].

Учась на трагических примерах, античные лидеры быстро осознали опасность власти для тех, кто ею обладает. Отдавая себе отчет в общественных ожиданиях, когда демос внимательно отслеживал начало проявления каких-либо опасных тенденций в поведении своих магистратов, они старательно уклонялись от самой возможности своей компрометации.

К примеру, стратег Тимофей, оказав помощь персам, отказался от персонального дара. Все же согласившись на подарки для родных Афин, он специально оговорил, что награда должна быть такой, "чтобы в город ее можно было доставить без появления у кого-либо соблазна урвать себе кусок" [37].

Афинянин Фрасибул, спасший город от "тирании тридцати" во главе с Критием, прямо "умолял сограждан подарить ему то, что никому не может показаться дорогостоящим, и получил, к своей великой радости, лишь простой венок из двух масличных ветвей" [38]. Буквально теми же словами фиванский полководец Эпаминонд публично отказался от богатых персидских даров.

Обобщающим примером, на наш взгляд, может служить эпизод с эллинским тираном - мудрецом Питтаком. В ответ на желание граждан отблагодарить его за услуги перед полисом он попросил: "Прошу вас, не дарите мне то, что станет предметом вашей же зависти. Дайте мне немного, чтобы подчеркнуть и умеренность моих желаний, и ваши добрые намерения" [39]. Сама фраза "ваши добрые намерения" позволяет предположить, что полисные политики отдавали себе отчет в своем вольном или невольном (субъективном или объективном) противопоставлении остальной гражданской массе и старались всячески снять само это противоречие. Однако, несмотря на отсутствие антиполисных целей у магистратов, пытающихся действовать в рамках концепции "Я" - "Мы", самим фактом их назначения совершенно объективно возникали отношения "Я" - "Они" и единство социального пространства рушилось. Ведь различное отношение людей к власти создает неравенство ровно в той же степени, что и отношения вокруг вопроса о собственности. А сама власть - превращенная форма собственности.

Возникало различной степени обособление политиков от полисного коллектива. Оно происходило по линии "индивид - общество" и снималось в случае, если обладание властными полномочиями для индивида было в жизни проходящим, разовым или эпизодическим явлением. Но если индивид осознанно выбирал себе политическую карьеру, это значило, что напряжение по линии "индивид - коллектив" должно было возрастать. Период расцвета полисного строя приходился на целый ряд человеческих поколений, на совокупность "конкретного", и в перспективе это должно было привести к созданию категории "общего" и породить особую ментальность лидеров. В том смысле, что ощущаемая ими враждебность и подозрительность по отношению к себе, вместе с реальными случаями преследований со стороны демоса, создавали *представления о власти как о силе, опасной не только для общества, но и для самого владеющего ей.*

Многочисленные трагические примеры из жизни политиков стали в античной ментальности закономерностью. В "Соннике" Артемидора, построенном на аналогиях, приводится такой вариант причины и следствия: "Всякое начальствование сулит смерть и выявление тайного" [40]. А Плутарх, прямо передавая общественные настроения, отмечал, что "страх перед судебными преследованиями и доносчиками (сикофантами) заставлял политиков быть более осмотрительными в государственных делах и считался качеством демократическим" [41].

Саморефлексия видна из целого ряда примеров: когда, после многих славных деяний, афинский демос осудил знаменитого военачальника и политика Фокиона, он, выходя из зала суда, заметил, что "это несправедливо, но не странно, так как такой конец до него уже имели многие славные афиняне" [42].

Великий римлянин Катон считал, что опасно со рвением заботиться о государственных делах [43]. Аппиан отмечал, что "случайное раздражение народа легко может одержать верх над благодарностью за прежние заслуги, какими бы они ни были" [44]. А оратор Демосфен часто говорил знакомым, что "От общественных дел следует держаться подальше и что если бы перед ним лежали два пути: один в народное собрание, другой же - навстречу гибели и если бы он предвидел все бедствия, связанные с государственной деятельностью, бесконечные тяжбы, страх, клевету и зависть, то выбрал бы тот, который ведет прямо к смерти" [45].

Но еще за сто лет до него, по воспоминаниям демократа Фемистокла, его "отец, отвращая сына от общественной деятельности, часто приводил его на берег и, показывая ему старые суда, догнивающие там, говорил, что подобным же образом и народ относится к своим политикам, когда они отслужат свой срок службы" [46].

Фемистокл не послушался отца и позже сам констатировал, "что судьба должностного лица похожа на судьбу дерева, под которым в ненастье укрываются, а в погожий день обламывают ветки" [47]. Перед нами пример несомненной саморефлексии лидера. У Фемистокла иллюзий, как и у многих других политических деятелей эпохи расцвета полиса, не было: все они знали, на что шли. Но все равно, страдая от тяжести постоянных подозрений народа, он неоднократно в народном собрании раздраженно спрашивал людей: "Почему вы устаете по несколько раз получать добро от одних и тех же людей?" [48].

Великий стратег Афин Перикл "очень боялся народа, и это долго сдерживало его в занятиях общественными делами" [49]. А Цицерон сделал такое принципиальное обобщение: "Изгнание людей, несмотря на их величайшие заслуги перед государством, – это не несчастье, а особый почет"[50].

Итак, власти как опасного явления в коллективе боялись все – и демос, и лидеры. Потому что только таким образом происходило самообезвреживание опасного потенциала власти. Гражданский коллектив, как

скорпион, колот сам себя, замыкая власть в кольцо, где ей не давалось шанса превратиться в самодовлеющий и страшный для полиса механизм. И лидеры были готовы к несению незаслуженного наказания ради ослабления опасной силы власти. В итоге политическое лидерство так и не стало законченным и признанным обществом политическим институтом. Обреченность, осознание тяжести "бремени власти" стали характерными чертами мышления полисной политической элиты, войдя как элемент в общеполитическое гражданское общественное сознание.

Демос, удерживая свои коллективные права на власть в борьбе с тиранами, сам принял форму коллективного тирана. Античная демократия стала формой социального господства демоса, методом недопущения тирании. Глубокое общественное напряжение, которое возникало во время сдерживания обществом саморазвития власти, приводило к возникновению совершенно особого полисного общественного сознания, в котором уживалось как искреннее стремление демоса разорвать природную заданность лидерства, так и возникающий вследствие этого пессимизм самой политической элиты, которая глубоко осознавала трагизм своего жизненного пути, трагизм "бремени власти". Когда в силу социальной диалектики сам факт их правления, какими бы высокими и общепольными целями он ни был обусловлен, нарушал демократическое единство коллектива, разделяемого самим фактом разделения на управляемых и управляющих. "Бремя власти" лидеров являлось, на наш взгляд, оборотной стороной, следствием самого создания античных демократических систем власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гесиод. Теогония // Гесиод. О происхождении богов. – М.: Худ. лит., 1990. – С. 127; Апполдор. Мифологическая библиотека. – М.: Наука, 1972. – С. 5.
2. Гомер. Илиада. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 5.
3. Артемидор. Сонник // ВДИ. – 1990. - №2. – С. 238.
4. Аристотель. Политика. - М.: Мысль, 1997. – С. 40-41.
5. Полибий. Всеобщая история. – М.: Изд. А.Г.Кузнецова, 1895. – С. 9.
6. Ксенофонт. Киропедия. – М.: Ладомир-Наука, 1993. – С. 5.
7. Сенека. О счастливой жизни // Сенека. Соч. – М.: Худ. лит., 1993. – С. 15.
8. Фролов Э.Д. Греческие тираны. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. - С. 3.
9. Феогнид. К согражданам // Античная лирика. – М.: Худ. лит., 1968. – С. 140.
10. Алкей. К митиленянам // Античная лирика. – С. 42.
11. Гераклит Эфесский // Античная лирика. – С. 64.
12. Солон Афинский // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1998. – С. 68-70.
13. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – С. 77.
14. Геродот. История. – М.: Ладомир-Наука, 1993. - С. 164-165.
15. Фукидид. История пелопоннесской войны. М.: Ладомир-Наука, 1993. - С. 149.
16. Флор Л.А. Эпитомы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – С. 37.
17. Платон. Алкивиад // Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1998. – С. 221.
18. Исократ. Об упряжке // ВДИ. – 1965. - №4. – С. 143.
19. Аристофан. Плутос // Аристофан. Комедии. – М.: Искусство, 1983. - С. – 437.
20. Крисп Гай Саллюстий. О заговоре Катилины // Крисп Гай Саллюстий. Соч. – М.: Наука, 1981. – С. 5.
21. Аристофан. Плутос. – С. 432.
22. Андокин // Исаева В.И. Исократ. – М.: Наука, 1994. – С. 10.
23. Платон. Апология Сократа // Платон. Соч. – В 3 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 75.
24. Лосев А.Ф. История античной диалектики. - М.: Наука, 1972. - С. 31.
25. Дигесты Юстиниана. - М.: Наука, 1984. - С. 33.
26. Аристотель. Политика. – М.: Мысль, 1997. - С. 59.
27. Аристотель. Политика. – С. 38.
28. Фукидид. История. – С. 302.
29. Аристотель. Политика. – С. 96.
30. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях... - С. 350.
31. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 26.
32. Ксенофонт. Апология Сократа. М.: Наука, 1985. – С. 31.
33. Аристофан. Всадники // Аристофан. Комедии. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1. – С. 135.
34. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худ. лит., 1983. – С. 95; 190.
35. Плутарх. Избранные жизнеописания. – В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 163.
36. Цицерон. За Бальба // Цицерон. Речи. – В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – С. 57.
37. Корнелий Непот. Тимофей. – С. 28.
38. Корнелий Непот. Фрасибул. – С. 19.

39. Корнелий Непот. Фрасибул. – С. 19.
40. Артемидор. Сонник // ВДИ. – 1990. - №3. – С. 233.
41. Плутарх. Никий. – С. 165.
42. Корнелий Непот. Фокион. - С. 34.
43. Катон //Трухина Н.Н. Политика и политики "золотого века" Римской империи. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – С. 173.
44. Аппиан. Гражданский войны // Аппиан. Римские войны. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 23.
45. Плутарх. Демосфен. – С. 515.
46. Плутарх. Фемистокл // Плутарх. Избранные жизнеописания. – М., 1990. – Т. 1. – С. 217.
47. Плутарх. Застольные беседы. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 357.
48. Плутарх. Фемистокл. – С. 235.
49. Плутарх. Перикл // Плутарх. Избранные жизнеописания. – Т. 1. – С. 289.
50. Цицерон. О своем доме // Цицерон. Речи. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – С. 63, 83.